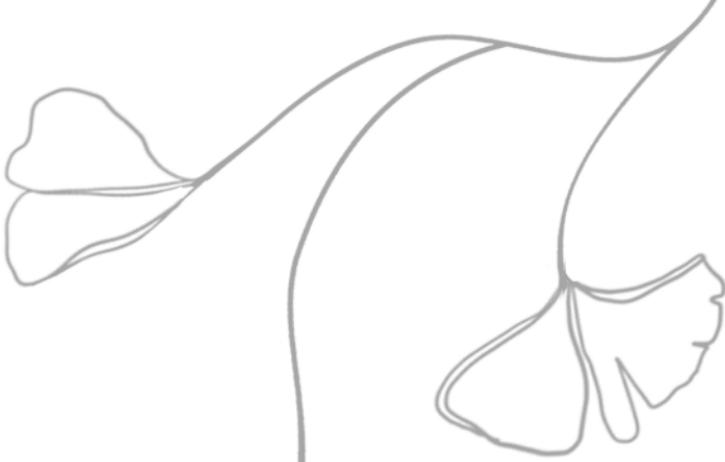

ВЯЧЕСЛАВ
ПРАХ

ВЯЧЕСЛАВ
ПРАХ

ГРУБЫЙ СЕКС
И НЕЖНЫЙ БУНТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П70

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Обложка и серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Прах, Вячеслав.
П70 Грубый секс и нежный бунт : [роман] / Вячеслав Прах. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-17-127014-8

Двое прилетают на юг Франции. Влюбленные друг в друга, влюбленные в свой единственный день. Этот день — их «минута, ставшая веком счастья».

Он думает, что страсть спасет его душу от кризиса смыслов. Она думает, что он станет одним из множества удовольствий жизни. Но это лишь начало пути, и пройдет по нему не каждый. Любовь — это всегда риск. Не попробовав, не узнаешь; не нырнув глубже, не поймешь ни себя, ни того, кто рядом; не рискуя, никогда не испытаешь счастья. В мире так много обмана, поэтому в сексе мы ищем честность...

Книга — бунт.

Книга — запретное наслаждение.

Книга — откровение тела и тайна души.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127014-8

© В. Прах, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ПРЕЛЮДИЯ

1

Всем нужен секс. Одним в большей степени, другим в меньшей. И человеку необыкновенному, ангельскому, чья натура нам кажется духовно высокой, чище крови Христа, и человеку обыкновенному, порочному, грехи и изъязны которого хорошо видны глазу.

Обладать созданием с эфемерной сердцевиной, которая кажется нам более духовной и невинной, чем наша, — считается нами же преступлением, пороком души. Мы не привыкли осквернять святое. Тогда как, напротив, человеком, которого мы считаем более земным по сути, которого есть за что осудить, которо-

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

му есть за что раскаяться в своей жизни и о чем сожалеть, из чьих уст можно услышать и грязное, и пошлое, и искреннее, — им мы хотим обладать. Под словом «обладать» я имею в виду заниматься с ним любовью, сексом, трахаться, лечить душу ощущениями, «сквернотворить» и сквернословить, заниматься сотворчеством.

Как занимательно, мы не желаем пятнать собой чистоту, мы чтим самых первых богов — матерей. Но... «пятнать собой чистоту» — насколько парадоксально это звучит, настолько бессмысленным это является. Быть может, наши вторые боги — отцы не пятнали собой чистоту? Может, чистое русло реки так и останется чистым, если в него запустить жменю рыб?

Распятие Христа — это символ. Символ распятия чистоты, высокой нравственности и доброты сердечной. Предположим, что казнь маркиза де Сада за его романы «Жюльетта» или «120 дней Содома» тоже была бы символом. Символом пригвождения ко кресту порока, безнравственности, бесчестия. Но в каждом из этих двух символов присутствует одна связывающая деталь — это искоренение неискоренимого.

Уничтожьте песчинку пустыни Алжира, уничтожьте целую горсть. Эти две фигуры —

ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ

всего лишь две очевидные грани многогранной человеческой природы.

Символично и то, что христианство — религия любви — учит нас искать чистую любовь и стремиться к Богу. Но что такое чистая любовь? Подскажите, как отличить любовь маркиза де Сада к проявлению своей сути от любви Христа к проявлению своей сути. В каждом из этих двух символов присутствует реализация себя через смысл. Но у каждого из них смыслы разные, реализация этих смыслов и своей сути — разная, каждый из них силен в своей области, в грани своего таланта.

Талант — это безусловная любовь к тому, что ты делаешь.

Также это очевидные символы добра и зла, рая и ада.

Но копните глубже, и станет понятно, что во всех своих устремлениях и смыслах нам предначертано быть судимыми. Судимыми и за добро (образ Сына Божьего), и за безнравственность, сладострастие (образ Оскара Уайльда).

Я полагаю, что девственность дана человеку не для того, чтобы оставаться всегда чистым, ангелоподобным и юным в этом мире, а для того, чтобы однажды осознать, что не бывает

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

любви без греха. Не бывает вина, сделанного из уцелевших гроз винограда.

Не бывает такой чудесной, мелодичной и красивой, наполненной искренностью поэмы, чтобы при этом автор не отдал часть самого сокровенного, самого любимого и важного своему читателю. Я думаю, что чистота телесная — это лишь чистая одежда нашей многогранной, многоликой и всегда разной сути. В то время, как чистота души — это познание своей сути, своего предназначения, своего смысла и Бога.

Всем нужен секс — и преданным служителям Ватикана, и париям.

И мне не всегда понятны суждения тех людей, которые считают, что им секс не нужен. В силу своих душевных терзаний, в силу подавления своих желаний, в силу непризнания себя, своего тела и своей природы человек доходит до высшей формы безнравственности — остановить собственный рост: не позволить прорасти на плодovитой почве *натуры* зернам собственного смысла, а затем зрелым плодам; остановить природу, остановить свои устремления. Остановить, чтобы жить в плену, чтобы жить без цели и надобности. Это всегда приводит к бессмысленности существования, к обесценива-

ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ

нию всякого тонкого стебля, прорастающего из почвы вождения других, к обесцениванию зрелых плодов. В самом худшем случае — это приводит к пьянству, разгульному образу жизни, к приспособленчеству и самоубийству.

Я заметил, что зачастую люди, которые стремятся к смыслу, которые живут собственными идеями и воплощением их в жизнь, гораздо сексуальнее людей со схожими умственными и физическими данными, но живущими бесцельно. И эта сексуальная энергия чувствуется за версту, одурманивая, опьяняя, затрагивая большинство клавиш чувств.

Я глубоко убежден, что секс — это путь к познанию самого себя. Потому как сексуальные фантазии и желания человека — одна из сторон его многоликой сути и масштаб его личности.

2

Внутри человеческой души уже много веков горит — и будет гореть до тех пор, пока жив сам человек, — пожар войны добра и зла. Бога и дьявола. Морали и аморальности. Чести

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

и бесчестия. Так было во времена древнегреческого философа Платона, жившего между 427 и 347 годами до нашей эры, учителем Аристотеля и учеником Сократа. (Сам Платон заявил однажды миру: «Бог в нас самих».) Так было и во времена Уайльда, маркиза де Сада, Уильяма Шекспира, Байрона и многих других. Сохранилось это и по сей день.

В каждом из нас в силу опыта, в силу жизненной мудрости и религиозных убеждений формируются понятия добра и зла, света и тьмы. Часто под гнетом потерь, с лужей пролитых слез по поводу какого-то, даже самого незначительного, человеческого проступка мы нарушаем баланс этих двух чаш весов и перекладываем крупицу убеждений из одной чаши в другую. Хороший пример целому поколению — Булгаков и его произведение «Мастер и Маргарита»: есть кое-что намного опаснее и страшнее дьявола — это сами люди. Миллионы читателей по всему миру полюбили это произведение и поселили в душе эту мысль, переложив однажды крупицу из чаши в чашу. Так формируются наши представления что есть добро, а что есть зло.

Мы можем понять, что нет зла в похоти, в содомии — если это не наносит ущерба ни

ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ

тебе, ни другому человеку, если это помогает раскрыть себя и грани своей эфемерной материи. И мы можем увидеть зло, уничтожающее не чью-то душу, а твою собственную, — в трусости, в ненависти, в разрушении самого себя. Прочитирую сильнейшие строки из уайльдовской «Тюремной исповеди», которые живут в моей душе: «Я должен до конца уяснить для себя, что ни ты, ни твой отец, будь вас хоть тысячи, не смогли бы погубить такого человека, как я, если бы я сам не погубил себя, и что никто, будь он велик или ничтожен, не может быть погублен ничьей рукой, кроме своей».

Однажды я осознал это.

Сначала погибает твой дух, а затем все вокруг способствует тому, чтобы вслед за ним умерло твоё тело.

Я всегда буду защищать хорошего человека, какими бы извращёнными ни казались другим грани его натуры.

Я никогда не встану на сторону подлеца, который пытается очернить хорошего человека (в силу неприятия его самим собой), какими бы благородными при этом ни казались его побуждения.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

3

Искренность — это самая красивая и откровенная форма выражения в искусстве. Искренность настолько прекрасна, божественна и чиста, что даже если человек совершил непростительный для остальных грех, он, не позволив себе уничтожить себя же, выстояв перед уготованной ему участью, может муками страдания и искренностью сотворить свое признание, и человечество проникнется его честностью, откровенностью и станет значительно мягче в своем приговоре. Потому что через искренность грешника мы способны понять и принять самих себя, как это случилось с гением позднего викторианского периода, которого погубила любовь.

А вернее он сам себя погубил любовью.

Искренность — это лучшее, что я видел в своей жизни. Искренность — самое прекрасное, что может случиться с художником: нет творчества без искренности, нет в отсутствии искренности души.

От искренности до жизни, наполненной смыслами, чудесами и любовью, бежит много

ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ

дорог, но все они неизбежно и неизменно приводят именно туда.

От скрытности и двоедушия до бездны дорог гораздо меньше, но все они так же неизменно ведут к потере вкуса, трусости и душевной гибели.

АКТ 1. ГРУБЫЙ СЕКС

Мы познакомились с ней задолго до того, как встретились на борту этого самолета, отправляющегося на Лазурный берег. Она никогда не была в Ницце, а я никогда еще не был так близко к ней, как сейчас. Близко не в плане расстояния, а в плане жажды, в плане познания ее, в плане безудержной страсти. Если бы я мог остановить время, я бы его, не задумываясь, остановил, посмотрел на нее и занялся бы с ней любовью. Не отрывая взгляда от ее глаз...

Мы занимались с ней любовью каждый день. На энергетическом уровне. Даже в мо-

ГРУБЫЙ СЕКС И НЕЖНЫЙ БУНТ

мент нашей встречи, когда я подошел к ней, чтобы робко поцеловать ее тонкую, худощавую руку, которая издавала аромат, подобный аромату чайной розы, я почувствовал в себе непреодолимую страсть к ней. Несмотря на ее мужа, стоявшего по правую сторону, который все время улыбался мне своей белоснежной улыбкой. Мне казалось, что он видит насквозь мой порок, мое желание, мою необузданную энергию. Но, как выяснилось позже, он ничего не видел и не чувствовал, кроме самодовольства и самолюбования.

Он был славный, харизматичный и обаятельный, а иначе он не смог бы расположить к себе всех тех людей, которые окружали его изо дня в день. Расположить, поработить и сделать частью своего общества. У него было много друзей. Но не было ни одного друга. Он был весел, бодр и полон энергии, но не такой энергии, которой был наполнен я. Он был успешен, в меру красив, ярк, но в то же время абсолютно неприметен. Он был звездой одного вечера, одного мгновения, одной истории. Долго гореть у него никогда не получалось... У него не имелось того вечного огня, присущего людям, которые улыбаются гораздо меньше, но